
УДК 340.5

DOI: 10.31249/rgpravo/2022.02.04

ИВАНОВА А.П.¹ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ. (Обзор).

Аннотация. Анализируются работы зарубежных ученых, исследующих основные тенденции в развитии юридического образования и некоторые проблемы, возникающие в этой сфере. В частности, такие проблемы, как бессистемность исследовательской деятельности в сфере права и влияние новых технологий на образовательный процесс.

Ключевые слова: юридическое образование; информационные технологии; этика юриста; глобализация.

IVANOVA A.P. Legal education: the main trends in development. (Review).

Abstract. The article analyzes the works of foreign scientists investigating the main trends in the development of legal education and some problems arising in this area. In particular, such problems as the unsystematic nature of research activities in the field of law and the impact of new technologies on the educational process.

Keywords: legal education; information technology; lawyer ethics; globalization.

Для цитирования: Иванова А.П. Юридическое образование: основные тенденции в развитии (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 56–67. DOI: 10.31249/rgpravo/2022.02.04

---

¹ Иванова А.П., младший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

Т. Веблен, американский социолог, 100 лет назад писал, что юридические школы «принадлежат к современному университету не больше, чем школа фехтования или танцев» [3, р. 1]. Эта враждебность к праву как к предмету, который следует преподавать в серьезном университете, проистекала как из желания сократить число юристов и судебных разбирательств в обществе, так и из убеждения, что определенные «навыки» не являются предметом надлежащего серьезного интеллектуального исследования. К счастью для юристов, высказывания Т. Веблена, хотя и часто цитировавшиеся в двадцатом веке, не сбылись. Вместо этого двадцатый век стал свидетелем стремительного роста юридического образования на всех уровнях университетской (и внеуниверситетской) подготовки, включая программы бакалавриата, магистратуры и получения академических степеней. В дополнение к росту числа дипломов и академических программ современное юридическое образование, начиная со второй половины XX в., также стало включать клиническую подготовку как с реальными, так и с моделируемыми клиентами и юридическими вопросами [3, р. 2].

Сама юридическая практика, а также освоение права и правовых институтов выросли от изучения и анализа прецедентов и законодательства до более междисциплинарных исследований, включая познание экономики, социологии, психологии, политологии и государственного управления, теории игр, науки о принятии решений, истории, антропологии, географии, а теперь и постижение международного и сравнительного права или «глобализации» юридических институтов. Исследования в области юридического образования стали принимать различные формы: анализ дискурса; юридические исследования; история институтов и движений; исследования образовательного взаимодействия; эмпирические и теоретические исследования и др. [2, р. 271].

К. Менкель-Мэдоу отмечает, что современные юридические школы теперь занимаются не только судебными разбирательствами и адвокатурой; будущих юристов также учат думать о планировании сделок, управлении, консультировании клиентов, бизнесе и социальной справедливости. Теперь студенты могут выбирать, что изучать, а не осваивать один и тот же свод юридических материалов. Автор отмечает несколько основных тенденций современного юридического образования, среди которых она выделяет:

«юридическое образование = думать как юрист»; «юридическое образование = мыслить критически как юрист»; «юридическое образование = поступать как юрист»; «юридическое образование = быть юристом».

Юридическое образование = думать как юрист. Как отмечает К. Менкель-Мэдоу, существенный сдвиг в юридическом образовании в США связан с введением в XIX в. деканом Гарвардской юридической школы Х. Лэнгделлом в юридическое образование так называемого сократического или прецедентного метода, основанного на идее, заимствованной из ранней науки немецких университетов.

Х. Лэнгделл считал, что закон, как и наука, может быть выведен из индуктивных наблюдений за случаями. Если бы студенты-юристы прочитали достаточное количество дел в одной и той же предметной области, они бы «изучили» применимые правила, наблюдая, как их используют судьи, а затем могли бы овладеть навыком юридического анализа, позволяющим «отличать» похожие дела от непохожих. Затем студенты могли бы использовать дедуктивные аргументы, чтобы применить принципы, сформулированные в одном случае, к следующему, если ситуация была достаточно аналогичной, или привести разные аргументы, чтобы показать, что один случай на самом деле отличается от другого, и следует использовать другое или «новое» правило.

Таким образом, студенты стали заниматься не заучиванием наизусть правовых норм, а прагматичным решением проблем путем усвоения фактов и применения анализа и общих принципов.

Значимость произведений Х. Лэнгделла для профессионального образования в США сравнима только с важностью работ американского прагматика Д. Дьюи (отцом «эмпирического обучения» в американском образовании), поскольку «метод кейсов» Х. Лэнгделла перекочевал в бизнес и другие профессиональные школы [3, р. 5]. В юридическом образовании многих стран (например, Японии, Австралии, Великобритании) практикуется метод Х. Лэнгделла в том или ином виде, поскольку, по мнению многих, такое «активное» обучение лучше, чем более пассивная форма лекций. Небольшие образовательные исследования в юридических школах подтверждают, что метод Х. Лэнгделла действительно имеет большое значение как для обучения студентов мате-

риальному праву, так и для обучения тому, как быть хорошим юристом (законодателем, правоприменителем, юрисконсультантом или адвокатом).

Юридическое образование = мыслить критически как юрист. В 70-х и 80-х годах XX в. новое политическое движение «Новые левые» бросило вызов ортодоксальности учения Х. Лэнгделла. Юридические исследования, по существу представлявшие собой интеллектуальную атаку на манипулирование доктриной со стороны «имущих» в случаях, когда закон является неопределенным и может быть «оспорен с обеих сторон», вдохновили поколение студентов-юристов и молодых профессоров права критически изучать как доктрину, так и методы преподавания. Учения Х. Лэнгделла стали терять свою популярность, и внимание юридической общественности сосредоточилось на взглядах профессора права Гарварда Д. Кеннеди, чья книга «Юридическое образование и воспроизводство иерархии» была названа «маленькой красной книгой» для новой группы профессоров права, стремящихся бросить вызов традиционной и капиталистической доктрине и исследовать, как классовые системы поддерживались традиционным юридическим образованием. Д. Кеннеди, блестящий педагог, преподавал своим студентам «деконструкцию» доктрин правонарушений, собственности и контрактов, призывая их мыслить самостоятельно (как политические деятели, а не только как юристы), учитывать классовое происхождение законодателей, судей и правоприменителей, в также обращать внимание на то, чьим интересам прежде всего отдавалось предпочтение в законотворчестве и толковании в тот или иной период [3, р. 8]. Примерно в то же время на американскую юридическую науку и образование повлияло новое интеллектуальное движение в области права и экономики. Р. Познер и ученые из школы права и экономики Чикагского университета утверждали, что право можно исследовать с точки зрения того, насколько «эффективно» оно распределяет «транзакционные издержки» правовых норм (теорема Коуза) и максимизирует благосостояние участников любой правовой системы. Опираясь на «невидимую руку» рыночных теорий А. Смита, это движение привлекло ученых к анализу всех областей права, начиная с деликтов, контрактов, антимонопольного законодательства, права собствен-

ности, экологического права и, в конечном счете, даже конституционного права.

В то же время группа социологов, некоторые из них имели юридическое образование, попытались внедрить более эмпирическое изучение права как в юридическую науку, так и в методы преподавания [3, р. 9]. Подобно профессорам права и экономики ученые-социологи разработали летние программы для обучения тех, кто получил образование по традиционным методам Х. Лэнгделла, методам социальных наук – количественным и качественным исследованиям различия «закона на бумаге» и «закона в действии». Опираясь на социальные и политические теории (К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер и современные методологи), правоведы стремились понять фактическое воздействие закона на регулируемые отношения, а также механизмы такой деятельности государства, как законотворчество и правоприменение.

Совсем недавно группа ученых-юристов применила различные социальные и когнитивно-психологические исследования для анализа группового поведения в управлении корпоративными советами, обсуждениях присяжных и принятии судебных и юридических решений, которые омрачены человеческими ошибками, такими, как «групповое мышление» [3, р. 10]. Эта важная работа бросила вызов идеям Х. Лэнгделла о науке или «рациональности» правовых норм и принятии решений.

Юридическое образование = поступать как юрист. 1960-е годы в Соединенных Штатах стали временем политической активности – движение за гражданские права, затем феминистское движение, День Земли и защита окружающей среды – все это побудило активистов-юристов требовать изменений в юридическом образовании: они призывали актуализировать его в целях решения социальных и политических проблем страны.

Многие юридические школы стали получать крупные гранты на открытие собственных юридических клиник и найм профессоров (часто не на постоянной основе) для обучения студентов вопросам «законодательства о бедности» (законодательства, которое применяется, в частности, в отношении людей с неблагоприятным финансовым положением и их повседневной жизни), включая групповые иски о дискриминации в сфере занятости и правах потребителей, о гражданских правах, семейных правоотношениях,

злоупотреблениях со стороны полиции, правах на социальное обеспечение и т.д.

Значительный вклад клинического образования в профессиональную подготовку юристов состоит в том, что оно демонстрирует студентам, что «факты имеют значение» (студентов обучают расследованию обстоятельств реальной действительности, опросу клиентов, даче показаний, ведению переговоров и т.д.) и что «эмоции тоже имеют значение» (при консультировании клиентов, принятии решений и т.п.). В целом клиническое образование дает более широкое представление о том, что такое реальная юридическая практика. Клиническая педагогика призывает клиницистов учить студентов «выслушивать клиента и относиться к нему как к личности, а не просто как к юридической проблеме» [1, с. 50]. Наконец, клиническое образование предоставляет студентам более широкий набор навыков, чем классическое образование, включая принятие решений, преодоление проблем, транзакционную и организационную работу.

Рост эмпирической, клинической и практической подготовки в современных юридических школах признается экспоненциальным, и он постоянно меняется. Идея практического обучения, встроенного в юридическую школу, считается более глубокой, чем версии обучения ученичеству в XIX в. В этот период молодые будущие юристы обучались своему ремеслу исключительно в одном юридическом классе. Сегодня студенты узнают о методах интервьюирования клиентов от психологов и социальных работников, о статистике и количественном анализе – от социологов, учатся стратегии инвестиций и развития – от экономистов и финансовых аналитиков, организации сообщества – от общественных активистов.

В соответствии с меняющимся характером профессиональной практики юридические фирмы теперь ожидают, что новые юристы смогут использовать более широкий набор навыков и знаний. В современной юридической практике традиционная концепция адвоката как «борца за права» больше не соответствует ожиданиям клиентов, которые сосредоточены на соотношении цены и качества и практическом решении проблем, а не на дорогостоящих юридических аргументах и сложных процедурах [1, р. 42]. Это требует нового акцента на навыках ведения переговоров, комму-

никативных компетенциях и способности строить отношения между адвокатом и клиентом. Кроме того, клиент, которому оказываются юридические услуги, желает видеть от адвоката значительной концентрации внимания и приложения максимально возможных усилий на стратегии решения проблемы и непосредственном вовлечении клиента в личные переговоры.

Клиническое юридическое образование вносит важный вклад в подготовку эффективных, творческих и рефлексивных выпускников юридических факультетов. Клинические программы развивают способность студентов реагировать на меняющиеся условия, в которые они попадут после окончания учебы; клиники знакомят студентов с динамикой профессиональной работы и учат работать с клиентами и руководителями, с коллегами, понимать процесс развития конфликтов.

Юридические клиники используют целый ряд технологий, выходящих за рамки стандартных моделей личного обслуживания клиентов. Модернизация юридического образования привела к использованию цифровых платформ, позволяющих взаимодействовать с удаленными клиентами и получать доступ к внешним академическим и профессиональным источникам знаний. Д. Гиддингс и Ж. Вайнберг подчеркивают, что клиники и другие формы эмпирического обучения способны сыграть важную роль в подготовке студентов к самостоятельной работе [1, р. 53].

Юридическое образование = быть юристом. В начале 1970-х годов, незадолго до президентских выборов 1972 года в США, группа агентов Республиканской партии ворвалась в штаб-квартиру Демократической партии и произвела серию краж данных, а также стала распространять их в целях дезинформации.

Впоследствии на слушаниях, которые состоялись в Конгрессе США, советник Белого дома Д. Дин представил список тех, кто был замешан в политическом скандале и сокрытии информации. Рядом с некоторыми из этих фамилий стоял символ/ знак звездочка. Когда его спросили о том, что означала «звездочка», Д. Дин указал, что так отметили юристов, которые были вовлечены в незаконную деятельность. В связи с этим случаем Американская ассоциация адвокатов стала активно внедрять и расширять обучение юридической этике и профессиональной ответственности для всех юристов.

Преподавание юридической этики и профессиональной ответственности в американских юридических школах породило важную философскую и прикладную науку о том, что значит быть «хорошим юристом» и «хорошим человеком». Опасения по поводу того, должна ли «ролевая мораль» для конкретных профессий, таких, как юрист, отличаться от морали «обычных людей», породили важный набор вопросов и ответов. Эти вопросы о том, состоит ли роль адвоката в том, чтобы быть исключительно «ревностным» защитником своего клиента или вершить правосудие, или нести определенную ответственность за правовую систему в целом или перед другими лицами, остаются проблемой, где часто отличается одна правовая культура от другой.

Глобализация юридической профессии и юридического образования. Все больше и больше студентов-юристов во всем мире изучают юриспруденцию не только в своих странах, но и учатся по обмену за границей по специальным программам (программа Erasmus в Европе, многие программы семестрового обмена в Азии, США, Канаде и Южной Америке), и все большее число студентов получают магистерские и докторские степени за рубежом.

Определенные области юридической практики стали явно интернационализированы – права человека, международная торговля, международный частный арбитраж. В то же время критики предполагают, что «конвергенция», если она существует в международном праве (и в международном юридическом образовании), является продуктом определенных линий влияния, основанных на силе как колониальной, так и постколониальной гегемонии сначала Соединенного Королевства, а теперь США и остальной Европы.

Юристы и технологии. Юридическое сообщество переживает глобальные изменения в юридическом образовании благодаря использованию технологий как для решения юридических проблем, так и в качестве средства юридического образования. Р. Саскинд утверждает, что профессия юриста (а также другие профессии) в конечном итоге будет вытеснена использованием технологий, форм, шаблонов, интерактивного онлайн-разрешения споров, планирования транзакций, управления документами, подачи юридических документов и даже защиты по некоторым незначительным уголовным делам (например, нарушения Правил дорожного движения) [3, p. 22].

Многие юридические школы радикально дополняют или преобразуют свои учебные программы, включив в них юриспруденцию и технологии (интеллектуальная собственность, юриспруденция и инженерия, юриспруденция и машинное обучение, а также юридический искусственный интеллект).

Однако какие юридические процессы и с какими субъектами будут протекать впоследствии с частичным или полным использованием новейших технологий («*techno-lawyering*»)? Большие данные и их интеллектуальный анализ станут полезны для выявления моделей поведения, которые могут документировать законную и незаконную деятельность (дискриминация, страховые претензии, превышение скорости и т.д.). Технология будет полезна при проведении судебных разбирательств, при подготовке документов, регистрации и в налоговых декларациях, заявках на имущество и некоторых других взаимодействиях с государством (лицензии на транспортные средства). Но как быть с юридическими вопросами, которые все еще требуют межличностного взаимодействия и человеческого и юридического суждения: иммиграция, семейное право, дискриминация, индивидуальные проблемы, требующие человеческого внимания и сложной юридической консультации? Существует множество юридических вопросов, нуждающихся в личном и индивидуальном внимании, а не в заученных или «готовых» решениях. Все еще существует множество видов дел (например, толкование новых законов), которые обоснованы на прецедентах и судебной практике.

Следует помнить, что право и юридическое образование – это постоянно меняющиеся человеческие конструкции. Вместе они призваны удовлетворить множество человеческих потребностей – обеспечить порядок в обществе, справедливость, способствовать процветанию человечества и новым идеям, а также осуществлять регулирование, социальный контроль и наказание тех, кто совершает плохие поступки или причиняет вред другим.

Несмотря на то что Х. Лэнгделл утверждал, что закон и правовые нормы являются «наукой», сегодня мы знаем, что это не так. Закон – это область толкования, использующая слова для определения, ограничения, усиления и регулирования человеческого поведения. Правовые институты пытаются обеспечить определенность, но разные факты требуют разного отношения даже для

достижения существенного равенства. Закон не является полностью «единым», и практика не одинакова для всех студентов и всех юристов, поскольку существует много областей и специальностей, используемых для разных целей [3, р. 25].

П. Махарг отмечает, что в области права существуют значительные инфраструктурные проблемы, возникающие в связи с исследовательской практикой. Исследования в сфере юридического образования сосредоточены преимущественно на отдельных эмпирических проектах и исследованиях теории/практики/политики. Таким образом, область в целом развивается бессистемно, существует значительная нехватка параллельных исследований, недостаточно текущих и устойчивых исследовательских данных, нет мета-обзоров. Почти не публикуются систематические обзоры исследовательской литературы, мало серий программных документов и литературы по юридическому образованию.

Автор обращает особое внимание на проблему технологий в юридическом образовании. В самом широком смысле под технологией понимается использование любого материального объекта или культурного устройства. Говоря о технологии в юридическом образовании, можно сказать – она, если сравнивать с другими областями исследований, не имеет истории. В правовой дисциплине нет общей истории технологий. Весьма примечательно, что также нет истории наиболее выдающихся технологий, используемых сегодня, а именно цифровых технологий.

Отсутствие подробных исследований технологий в юридическом образовании контрастирует с образованием в целом, где материальная культура обучения уже давно представляет интерес для историков образования. В последние три десятилетия наблюдается расцвет потока исследований, которые раскрывают образовательные практики в различных регионах мира. Понимание того, как физические технологии, например, классы, письменные принадлежности, цифровые базы данных, влияют на то, что можно назвать концептуальными технологиями (обучение, расписание, формы оценки), – является ключом к пониманию культуры образования, которая существует сегодня.

Однако имеет ли значение то, что в правовой дисциплине не уделено должного внимания общей истории технологий? Неужели лавина цифровых технологий сметет все прежние аналогии и ме-

тафоры? – задает риторический вопрос П. Махарг. И считает, что «нет». Исследовательская литература по трансформации медиа показывает, в какой степени новаторы зависят от когнитивных категорий, связанных со старыми медиа, в рамках которых передается смысл, и со временем переносят их на возможности новых медиа. То же самое относится и к юридическому образованию. Например, лекции с цифровой записью или веб-трансляции лекций быстро становятся нормой для многих учебных заведений, хотя и были немыслимы два или три десятилетия назад.

Новая технология, цифровая видеопрезентация юридических данных, все еще зарождается и находится в процессе формирования технологами, дизайнерами и институтами, но все чаще корпорациями. Этот процесс, в результате которого за два последних десятилетия юридические школы постепенно утратили свободу действий. При выборе технологий обучения, они уступают давлению корпоративного рынка, изменяется практика работы преподавателей: она требует гораздо большего количества исследований, анализа и комментариев, чем до сих пор проводилось в области юридического образования. Ввиду этого в существующей исследовательской литературе по технологиям и юридическому образованию отсутствует качество и строгость, необходимые для понимания области права и руководства юридической практикой [2, р. 280].

П. Махарг подчеркивает, что пришло время юридическому сообществу предпринять шаги, чтобы исправить ситуацию. И именно в этом отношении была создана инициатива под названием «Фемида». Проект «Фемида» подразумевает онлайн-пространство для совместных междисциплинарных, межведомственных исследований в области юридического образования и профессии. Он будет иметь возможность проводить оригинальные исследования, а также систематические обзоры меняющейся профессии и рынка юридических услуг, а также разработок, теории и практики в области юридического образования и профессиональной подготовки. Также в его рамках будут разрабатываться исследовательские учебные ресурсы. Это создаст синтез исследований – например, по изучению последствий нормативных, организационных или технологических изменений в юридических услугах для юридического образования. Кроме того, проект будет способен созда-

вать банки данных для разработки политики, основанной на фактических данных.

Эти предложения являются инновационными в том смысле, что они пытаются обеспечить платформу для организации юридической теории, практики и правовых исследований по всему миру. Они представляют собой попытку создать сообщество юрисдикционных инициатив, объединяющих юристов во всем мире – сеть сетей [2, р. 282].

Проект «Фемида» – это попытка создать ощущение порядка и общности в исследованиях в области юридического образования, где другие дисциплины, такие как медицинское образование, хорошо поняли и внедрили в свою работу. Таким образом, «Фемида» представляет собой импульс к порядку, который служит благу общества, ибо порядок любого рода невозможен без памяти и без историй. «Фемида» также привносит в правовые исследования резонанс общественных ценностей и веру в то, что, организовав свою прошлую работу, юристы смогут лучше понять настоящее и заглянуть дальше в будущее [2, р. 283].

Список литературы

1. Giddings J., Weinberg J. Experiential legal education : stepping back to see the future // Modernising legal education. – Cambridge, 2020. – P. 38–56.
2. Maharg P. Prometheus, sisyphus, themis: three futures for legal education research // Imperatives for legal education research: then, now and tomorrow. – London, 2019. – P. 271–288.
3. Menkel-Meadow C. Thinking or acting like a lawyer? What we don't know about legal education and are afraid to ask // The state of legal education research: then and now and tomorrow. – London, 2019. – P. 1–28. – Forthcoming. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3321352 (дата обращения: 21.01.2022).